

<https://opteey.livejournal.com/>

**Редекоп Владимир
Петрович**

Воспоминания о деревне Григорьевка (основана в 1889, прекратила существование в 1926). Часть 1.

21 июня 2023

<https://opteey.livejournal.com/7017.html>

<https://www.cmu.ca/docs/cmupress/CMU-Memories-of-Grigorievka.pdf>

Упоминание фамилии Редекоп. Mention of the surname Redekop. В результате анализа данных из книги. As a result of analyzing data from the book:

Страница (в соответствии с pdf-версией) 18. Переселенцы из Fürstenland в первой группе в Григорьевку: из Michaelsburg. Page (according to pdf version) 18 Settlers from Fuerstenland in First Group to Grigorievka: From Michaelsburg

Давид Редекоп (David Redekop)

Давид Редекоп (David Redekop)

Герхард Редекоп (Gerhard Redekop)

Петер Редекоп (Peter Redekop, GM#1467321)

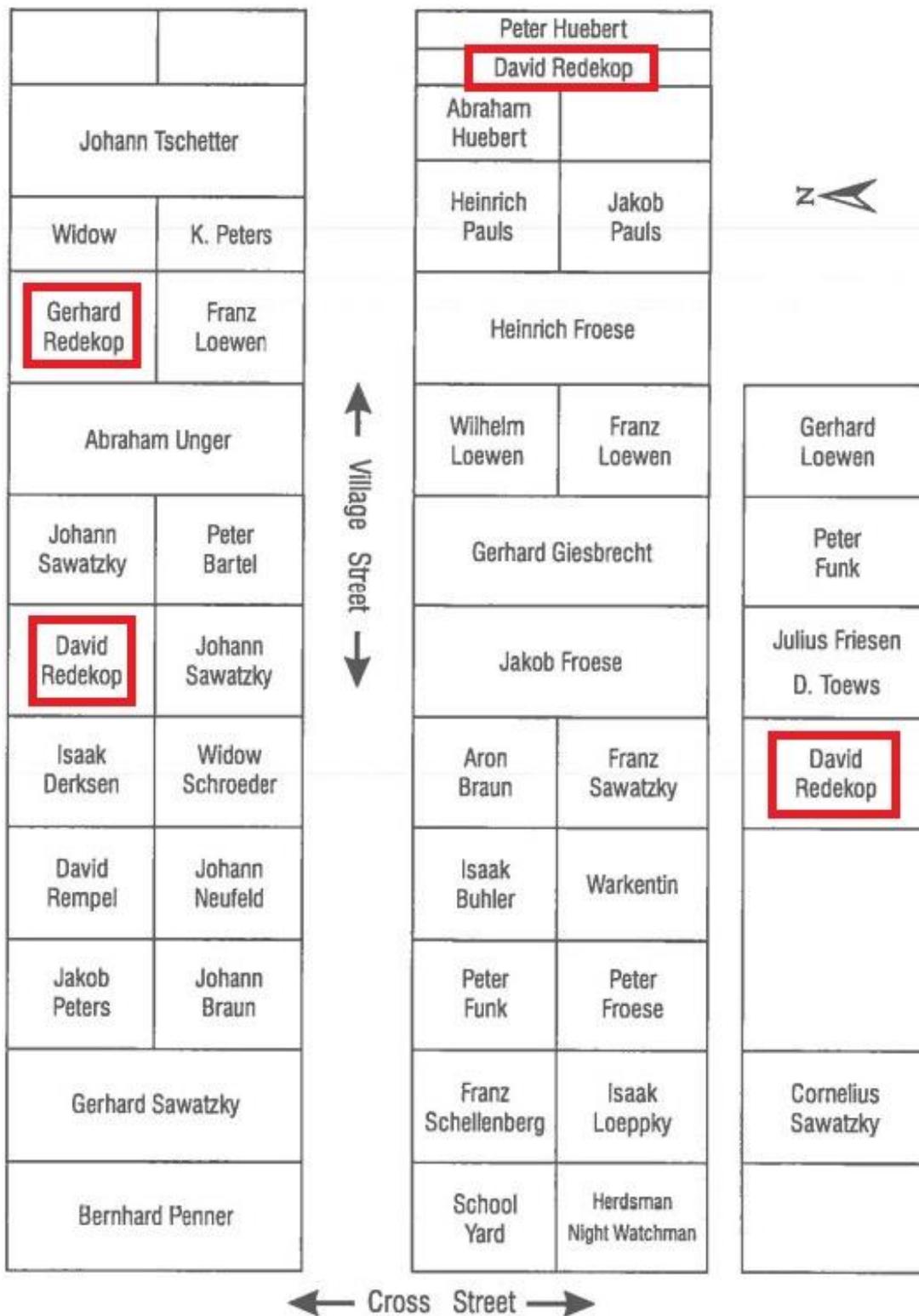
Петер Редекоп (Peter Redekop)

Settlers from Fuerstenland in First Group to Grigorievka				
Georgsthal	Rosenbach	Olgafeld	Michelsburg	Alexandertal
Jakob Pauls	Franz Sawatzky	Diet. Rempel	David Redekop	Wilhelm Dueck
Franz Huebert	Bernh. Krahn	Jakob Rempel	David Redekop	Peter Buhler
Korn. Enns	Bern Warkentin		Gerh. Redekop	Gerh. Sawatzky
Wilh. Buhler	Franz Siemens		Peter Redekop	Korn. Huebert
Klaas Peters			Peter Redekop	Bernh. Penner
Joh. Sawatzky			Peter Klassen	
Abr. Kroeger				

Origin of Second Group of Settlers to Grigorievka	
Nepluievka Colony	
Franz Loewen	Neu-Chortitza: Peter Froese, Aron Froese
Gerhard Giesbrecht	Rosenthal: Jakob Froese
Isaak Derksen	Neu-Rosengart: Heinrich Froese
Isaak Tschetter	Osterwick: Jakob Harms
Johann Tschetter	Chortitza: Jakob Wallman
Isaak Loepke	
Peter Unger	
Gerhard Thiessen	

Страница 82. По-видимому, через некоторое время. Page 82. Apparently, after some time

The Village of Grigorievka

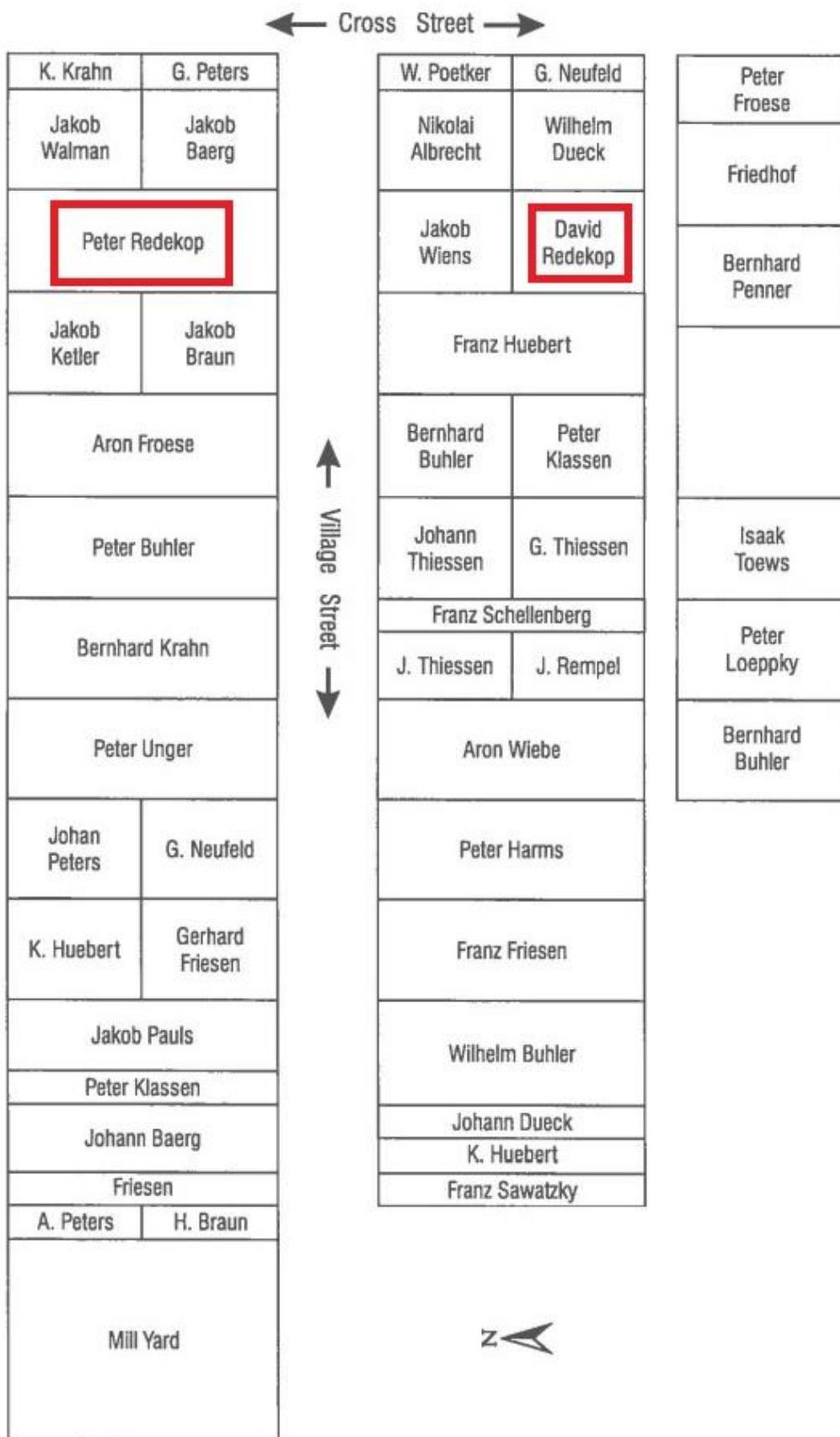

Давид Редекор (David Redekop)

Давид Редекор (David Redekop)

Давид Редекор (David Redekop)

Герхард Редекор (Gerhard Redekop)

Петер Редекоп (Peter Redekop)

Давид Редекоп (David Redekop)

Возможно, отец (GM#1467321) и сын (GM#1029767). Maybe father (GM#1467321) and son (GM#1029767).

Страница 124-125. **Мария Редекоп**, 1872 г.р.: Вильгельм В. Бюлер-младший (1867-1925) женился на Марии Редекоп (1872-1953). Она дочь сына Давида, родившегося в 1810 году, **Абрахама Редекоба**, 1849 (GM#526660). Page 124-125 Maria Redekop, 1872. Wilhelm W. Buhler, Jr., (1867-1925), married Maria Redekop (1872-1953). She is the daughter of the David's-1810-son Abraham Redekop, 1849 (GM#526660).

Страница 113. **Давид Редекоп** женился на Корнелии Уоркентин (1893). Это **Давид Питер Редекопп** (GM#1029767), родившийся 14 мая 1891 года в Григорьевке. Он сын **Редикоба Петра Ф.** (GM#1467321), родившегося 20 августа 1854 года, Розенталь, который, по-видимому, был одним из первых, кто прибыл в Григорьевку. Редикоп, Петер Ф. - внук **Давида Редекоппа** (GM#266153), 1789 г.р. Page 113 David Redekop married Kornelia Warkentin (1893). This is David Peter Redecopp (GM#1029767) born 14 May, 1891, Grigoryevka. He is the son of Redikop, Peter F. (GM#1467321) born 20 August, 1854, Rosenthal, who, apparently, was one of the first to arrive in Grigoryevka. Redikop, Peter F. is the grandson of David Redekopp (GM#266153), b. 1789.

Неизвестные из рода Редекоп в Григорьевке. Unknown from the genus Redekop in Grigoryevka.

Страница 18. Page 18.

Давид Редекоп (David Redekop)

Давид Редекоп (David Redekop)

Петер Редекоп (Peter Redekop)

Страница 82. Page 82.

Давид Редекоп (David Redekop)

Давид Редекоп (David Redekop)

Давид Редекоп (David Redekop)

Страница 16, 82, 209. **Герхард Редекоп** - он сыграл важную роль в создании деревни Григорьевка. Он подписал контракт с министром Абрамом Крюгером. Page 16, 82, 209 **Gerhard Redekop** - he was instrumental in the establishment of the Grigoryevka village. He signed a contract with the minister Abram Krueger.

Страница 209. **Барбара Редекоп**. Якоб Крюгер, сын министра (Абрам Крюгер, GM#462800, 1844, женился на Анне Завацкий), женился на Барбаре Редекоп (GM#1018406). Page 209. **Barbara Redekop**. Jakob Krueger, the son of the minister (Abram Krueger, GM#462800, 1844, married Anna Sawatzky) married Barbara Redekop (GM#1018406).

В книге есть еще несколько упоминаний фамилии Редекоп. There are several other mentions of the surname Redekop in the book.

Страница 23. «В нашу церковь приходили соседи из Ново-Петровки (в миле к западу) и из Мариевки (в восьми милях к юго-востоку); посещали также семьи из других деревень: Эннс, Шелленберг, П. Фризен, Як. Фризен, а также семьи Шульца, Йоханнеса Тиссена, **Давида Редекоба** и Абрама Завацкого из Семеновки». Page 23. The neighbours from Novo-Petrovka (one mile west) and from Marievka (eight miles southeast) came to our church; non-village families also attended: Enns, Schellenberg, P. Friesen, Jak. Friesen, and the families of Schulz, Johannes Thiessen, **David Redekop** and Abram Sawatzky from Semionovka.

Страница 30. «Остальная провизия была доставлена из их полевой кухни, которая была установлена во дворе **Петера**

Редекоба». Page 30 the rest of the provisions were supplied from their field kitchen which had been set up on **Peter Redekop's** yard.

Страница 157. «Был задержан только один пожилой мужчина: Onkel **Редекоб** вместе с Леной и Анной Завацкой». Page 157 Only one old man was detained: Onkel **Redekop**, with Lena, and Anna Sawatzky.

Страница (page) 250 A great deal of informal visiting and socializing took place. Numerous names of the relatives and visitors are recorded in father's diary. There were Sawatzkys, Ungers, Krahns, Bartels, Buhlers, Schroeders, Thiessens, Hieberts, Friesens, Loewens, **Redekops**, Pauls, Derksens, Wienses, Penners, Kaspers, Janzens, Toews, Brauns, Harms, Warkentins, Giesbrechts, Duecks, Klassens, Bergens, Neufelds, Tschetters and an elderly man named Tsoson.

Исторический пролог.

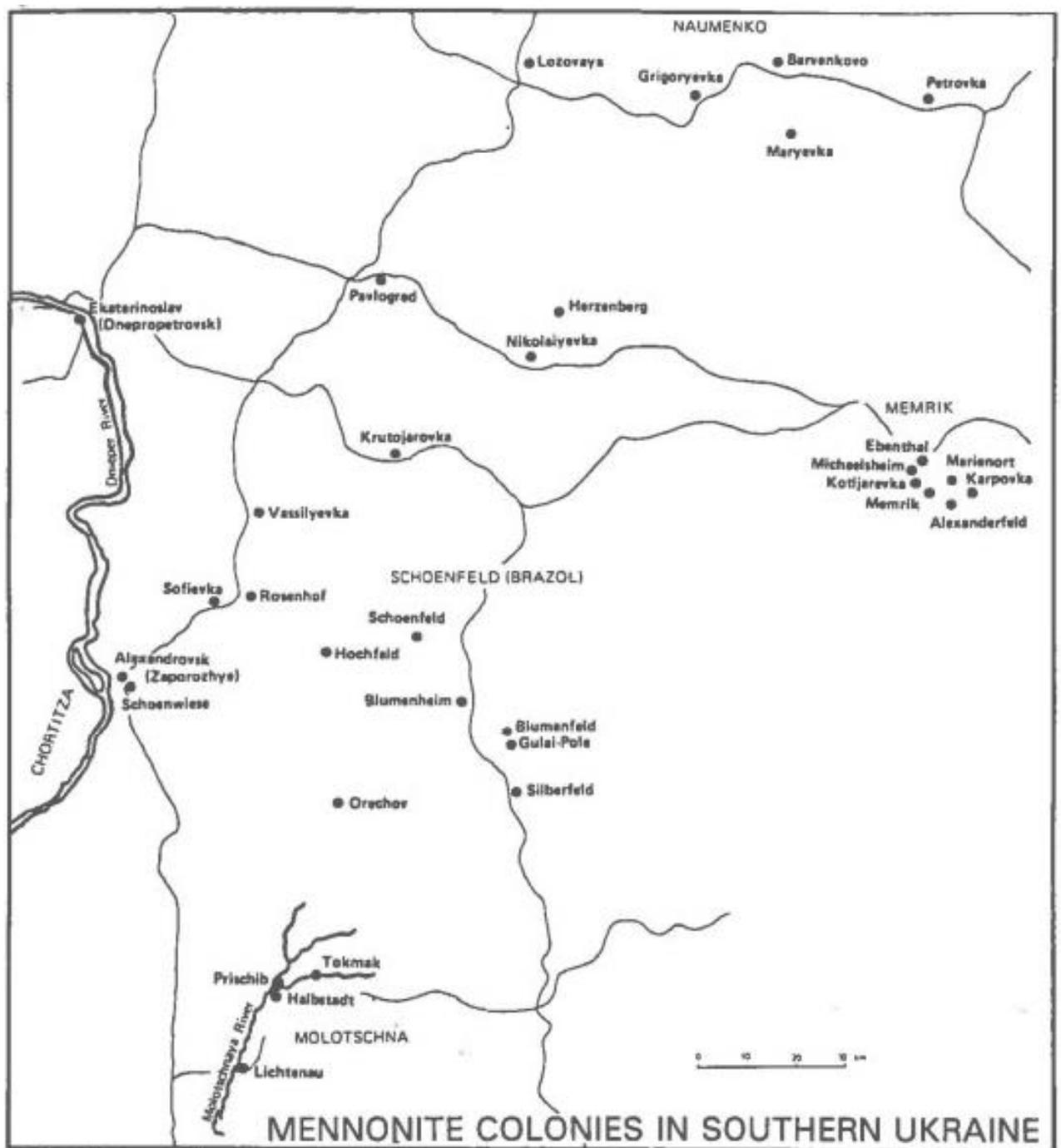
«При правлении Екатерины Великой Россия стала главной континентальной державой Европы. Екатерина продолжила политику своего предшественника Петра, направленную на абсолютистское правление внутри страны и территориальную экспансию в соседние земли. Части этих территорий, включая территорию Украины, были отобраны у Турции. Южная часть представляла собой плодородную безлесную черноземную степь. Именно эту обширную не населенную территорию Екатерина хотела заселить и развивать в сельском хозяйстве.

Потенциальным поселенцам были предоставлены многие права и привилегии, которые могли бы повлиять на то, чтобы они приняли приглашение эмигрировать на новую территорию. В конце 16 века группа меннонитов обосновалась в Западной Пруссии в районе порта Данциг. Там они пережили превратности войны, дискриминацию как религиозное меньшинство и

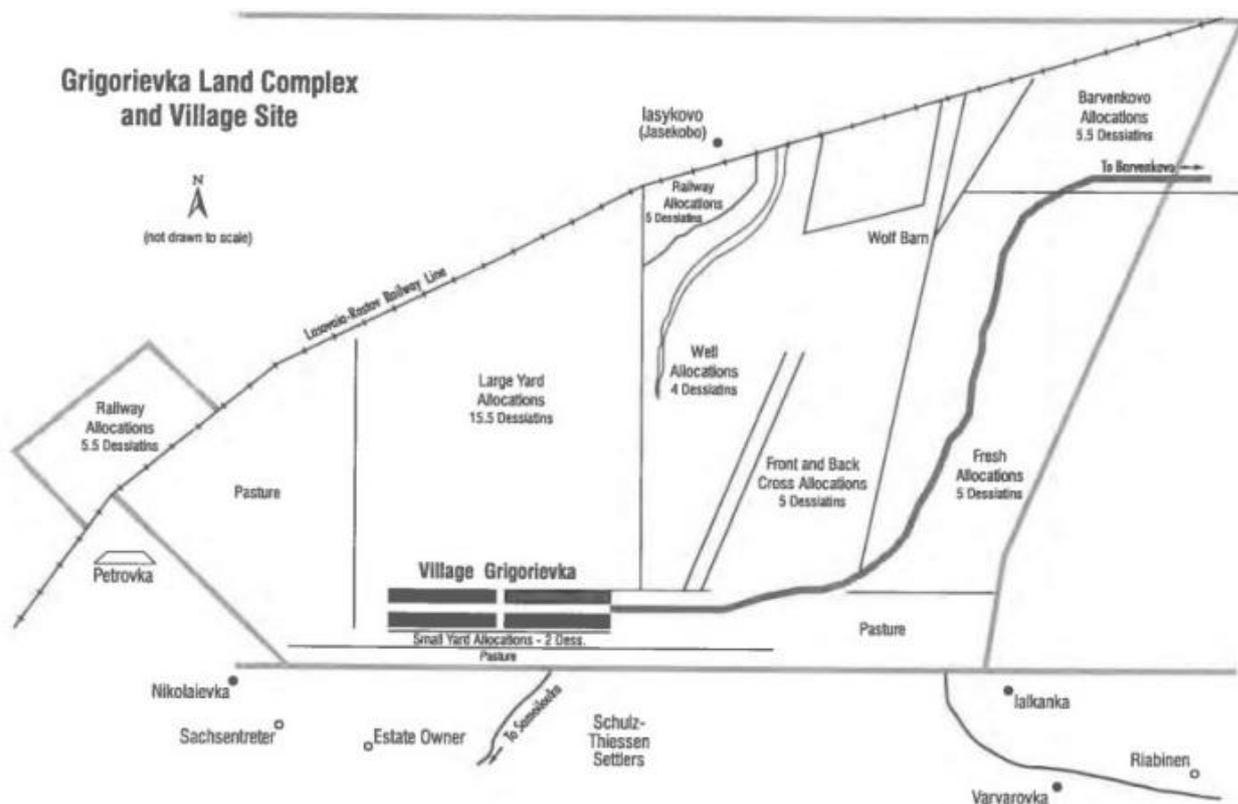
растущую потребность в большем количестве земли. Именно к этим меннонитам, считавшимся желанными аграрными колонистами, обратились агенты Екатерины. Приглашение было настолько успешным, что в 1788 году 228 семей отправились в Украину, за ними последовали дополнительные группы, в результате чего общее число достигло 462 семей. Они основали первое меннонитское поселение Хортица на правом берегу Днепра. Вторая колония, Молочна, была основана в 1804 году к юго-востоку от первой колонии. От этих двух произошло большинство дочерних поселений. Как пишет Джеймс Урри: Этим новым поселенцам пришлось адаптироваться к физическим и экономическим условиям Новой России. Для меннонитов эта адаптация в первые годы первопроходчества была периодом приспособления, сопровождавшимся некоторыми трудностями: степной регион с его явно пустынным ландшафтом и неустойчивым климатом разительно отличался от низменностей дельты, с которыми они были знакомы в Королевской Пруссии и Данциге. Однако в долгосрочной перспективе ранее плохо обрабатывавшиеся земли в сочетании с поддержкой со стороны достаточно благожелательного правительства и благоприятной официальной политикой в области развития позволили меннонитам использовать свои предпринимательские навыки не только для поддержки значительного увеличения численности населения, но и для значительного повышения уровня жизни ("Экономическое развитие меннонитов в зеркале России", в книге "Меннониты в России). Эта потребность в большем количестве земли побудила к основанию дочерних колоний. Всего на месте первоначальных колоний было создано тридцать семь поселений. Фюрстенланд (Fürstenland), в Таврической губернии, был основан в 1864. Из этого поселения вышло большинство колонистов, которые впоследствии образовали деревню Григорьевка».

«Григорьевка во многом была микрокосмом русско-меннонитского мира. Но были и некоторые отличия от больших

колоний. Большинство было выходцами из Старой колонии; было несколько молочанских и меннонитов-братьев. Большинство из них были kirchlich-ориентированными. Таким образом, получилась довольно однородная группа с единомышленным мировоззрением. Они быстро повысили образовательные стандарты, наняв прекрасных учителей. Но даже тогда общая мудрость деревни не спасла их от одного катастрофического предприятия - мельницы. Позже, когда пришли война, революция и террор, их вера, прагматизм и изобретательность помогли им выстоять, по крайней мере, в той степени, в какой это было возможно. Их история была историей всего русско-меннонитского содружества. Она также включала другие этнические группы, проживающие в России, и самих русских и меннонитов. Даже если мы не все пережили эти события, через эти истории и нашу связь с людьми мы можем в определенной степени виртуально разделить их страдания».

*Map of Mennonite colonies in southern Ukraine. Map courtesy of: Anna Epp Ens, *The House of Heinrich: The Story of Heinrich Epp (1811–1863) of Rosenort, Molotschna and His Descendants* (Winnipeg, Man.: Epp Book Committee, 1970), 84.*

Рассказ George F. Loewen. «Григорьевка располагалась примерно в 130 километрах к юго-юго-востоку от Харькова, на южной стороне железнодорожной линии Лозовая-Ростов. На западе нашей железнодорожной станцией была Гавриловка, на востоке - Барвенково. Земля для этой деревни, одного из самых молодых поселений меннонитов в Украине, была заложена двумя группами молодых поселенцев-меннонитов и дополнена несколькими семьями из других колоний. Первая и, безусловно, самая многочисленная группа, состоящая из двадцати пяти семей, прибыла из пяти деревень в так называемом Фюрстенланде. Вскоре после этого из Неплюевки прибыла вторая группа из девяти семей Колония. Кроме того, две семьи переехали из Нью-Хортицы и по одной из Розенталя, Нью-Розенгарта, Остервика и Хортицы. Мужчины и женщины из этих семей были основателями деревни Григорьевка. Однако вскоре люди начали мигрировать, и о них могли бы забыть, если бы миссис Абрам Ремпель не зафиксировала их передвижение своей любящей рукой. Земля деревни была куплена у генерала Григора

Чербачева по восемьдесят семь рублей за десятину (2,7 акра). Абрахам Крюгер и **Герхард Редекон** подписали контракт осенью 1888 года, но поселенцы прибыли только весной 1889 года. Генерал Чербачев был русский дворянин, владевший землями короны. Поскольку коммунистическое правительство после революции 1917 года передало всю землю в государственную собственность, этот долг так и не был полностью выплачен. Эта земля была далее разделена на 41 Wirtschaften (земельный участок). Вся деревня имела длину почти одну милю.

Планировка деревни. Деревня оказалась расположенной на горном хребте в юго-западном углу земли. В центре деревни было небольшое углубление, так что вся община была видна с обоих концов улицы. В деревне было два ряда дворов. Согласно соглашению сообщества, основные хозяйственные постройки, состоящие из дома и амбара, были расположены на восточной стороне двора, чтобы утреннее солнце попадало на гумно, что было важно в то время, когда сбор урожая все еще производился путем перекачивания молотильного камня. На западной стороне двора располагался загон для крупного рогатого скота с коровьей дорожкой, ведущей на улицу, свинарниками, зернохранилищами и сараями для инвентаря. Обычно колодцы располагались на этой стороне. Передний двор был засажен фруктовыми деревьями, оставив место только для подъездной дороги. Первым рядом деревьев вдоль улицы были Kruschkjebeem, дикие грушевые деревья, любимые и знаменитые во многих меннонитских деревнях. Их величественный рост и симметрия были особым украшением. Однако на двух приусадебных участках вместо грушевых деревьев росли белые акации. На заднем дворе росло больше фруктовых деревьев, а половина пространства была отведена под огород. Поскольку поначалу в этом новом поселении не было жилья, большинство поселенцев довольствовались дерновыми хижинами. Другие нашли приют в соседней деревне Иалканка или даже в овчарнях, расположенных

в западной части города рядом с прудами. Первые дома были построены из сырцового кирпича, амбары и сараи - из дерева. Крыши были покрыты соломой. Затем, к концу столетия, большинство домов было перестроено с использованием обожженного кирпича и черепичных крыш. С самого начала три дома в деревне были построены из обожженного кирпича и крыты жостью, как и школа (также использовавшаяся как церковь). Если я правильно помню, только две крыши были покрыты черепицей».

Школа была построена в 1890 году, но обучение началось в первую зиму в соседнем доме на дворе Арона Фрозе. Первым учителем в деревне был Дитрих Тиссен. Он проработал в школе всего год, а затем уехал изучать архитектуру в Германию. Конец учебного года ознаменовывался традиционным устным экзаменом - праздничным днем, имеющим огромное значение для детей. Если этот день совпадал с цветением тюльпанов, стены, окна и столы школы украшались венками, гирляндами и букетами. Это помогало усилить праздничное настроение. И даже если это не был настоящий экзамен, присутствие родителей придавало ему достоверность и подчеркивало школьный дух. Очевидно, что это мероприятие по закрытию школы в деревне не отличалось от школьного пикника, ранее распространенного в сельских школах Канады. До весны 1905 года школа состояла из одного класса с одним учителем. Затем был построен отдельный дом для двух учителей, и восточная часть школы стала вторым классом, а вторым учителем стал Иоганн Функ. Экономическая жизнь поселенцев улучшилась настолько, что они начали посылать своих детей в школы продолженного образования. Это было проблематично, поскольку ближайшая центральная школа находилась в Нью-Йорке, в семидесяти милях от деревни - естественно, они хотели, чтобы их дети находились под присмотром родителей еще несколько лет. Поэтому жители деревни согласились снова расширить школу. Они построили еще

одно здание школы с пристроенным учительским корпусом и предложили обучение в первых двух классах средней школы. В 1906 году они также наняли третьего учителя. Но эти старшие классы были только для мальчиков. Чтобы дать девочкам возможность получить углубленное образование, была сделана еще одна пристройка и нанята учительница.

То, что Григорьевская школа достигла высоких стандартов обучения, стало очевидным во время Первой мировой войны. Наши мужчины занимали должности в Москве, где большинство сотрудников меннонитского медицинского корпуса проходили проверку на физическую и медицинскую пригодность. Там стало очевидно, что по сравнению с молодыми людьми из других деревень наши превосходили их в знании русского языка. Они преуспевали не только в учебе, но и в музыке. В деревне было много молодежи и много свободного времени в зимние месяцы, поэтому можно было заниматься пением и музыкой. Это было полезно как для молодежи, так и для общинного пения.

Церковь (Gemeinde). Жители нашей деревни принадлежали к Нью-Йоркской меннонитской церкви в колонии Игнатьевка. Многолетним алтарником там был Абрахам Унру. Обычно он приезжал в деревню два раза в год, чтобы совершить крещение и причастие. Его преемником стал преподаватель немецкого языка и религии в средней школе Нью-Йорка Генрих Функ, чья смелая проповедь привела к длительной ссылке в леса Сибири. Даже в последние годы жизни Функ был вынужден оставаться в Караганде, Казахстан. Первым служителем, *Ohm* (используется для обращения к уважаемым или пожилым мужчинам, особенно к духовенству и общественным лидерам деревни), был старый Абрахам Крюгер. Многие помнят, как слушали его затянутые проповеди. Он имел наглость называть по имени тех, кто засыпал в церкви, тем самым не давая всем спать. В первые годы служителем был и Петер Фрозе, но вскоре его семья переехала обратно в Старую колонию, и Крюгер остался служить один.

Затем последовал Питер Функ, который читал серьезные и хорошо подготовленные проповеди. Питер Кран в одной из своих записей отмечает, что он помнит свидетельство своей невестки, которая проходила обучение катехизису у преподобного Функа. Он так ярко описал их греховное состояние, что все они сидели и плакали, после чего он указал им на Того, Кто может простить и исцелить. После смерти преподобного Функа священником был избран Герхард Нойфельд, бывший учитель в деревне. Он прослужил всего несколько лет до своей безвременной кончины. Тем временем Якоб Берг переехал в Григорьевку. Берг был рукоположен в другом месте и был принят здесь в качестве служителя. Кроме того, служителем был избран Генрих Унрух из Ново-Петровки, соседней деревни в одной миле отсюда. Он служил в деревенской церкви, пока не переехал в Александрволь, Молочна. Последним избранным служителем нашей общины был преподобный Корнелиус Кран. Он начал свое служение после Первой мировой войны и продолжал его до своей эмиграции в 1924 году. Затем его брат Николай Кран принял на себя руководство служением и служил до тех пор, пока почти последние меннонитские жители не покинули деревню. Обычно богослужения проходили по утрам в воскресенье. Если приезжие служители не могли остаться на воскресенье, проводились вечерние службы в будние дни. Чтобы собрать людей вместе, в таких случаях короткую записку передавали из двора в двор в кратчайшие сроки, особенно если сообщение начиналось на перекрестке в середине деревни и отправлялось сразу в обе стороны. В нашу церковь приходили соседи из Ново-Петровки (одна миля к западу) и из Марьевки (восемь миль к юго-востоку); посещали и несельские семьи: Эннс, Шелленберг, П. Фризен, Яков Фризен, а также семьи Шульц, Йоханнес Тиссен, **Давид Редекон** и Абрам Завацкий **из Семеновки**.

Как уже было сказано, наша деревня располагалась вдоль хребта, если его можно так назвать. Весь земельный комплекс

представлял собой пологое плато с несколькими долинами. К востоку и югу от деревни находились две глубокие долины. По ним можно было быстро кататься на санях зимой. Весной долину украшали подснежники и душистые фиалки. На восточном конце деревни была построена плотина и образовался большой пруд, в котором можно было купаться, особенно на песчаном западном берегу. На западном конце деревни был луг с двумя искусственными озерами, в которых водилась рыба. Туда приходили дети и молодежь, чтобы порезвиться и понаблюдать за проходящими поездами. Временами поезда не только наблюдали, но и использовали для дополнительного развлечения. Мальчики цеплялись за поезд, когда он замедлял ход для подъема. К счастью, серьезных происшествий не случилось. Несмотря на такую непродуманную браваду, Бог хранил свою оберегающую руку над этой молодежью.

Почва представляла собой знаменитый черный перегной с красновато-желтой глиной под ним. Он был очень урожайным для всех видов зерновых, овощей и фруктов. Основным зерном была пшеница, выращиваемая для рынка, она обеспечивала хороший доход. Незадолго до Первой мировой войны был выведен новый, более устойчивый к болезням сорт, и, соответственно, был достигнут определенный успех в выращивании озимой пшеницы. Вскоре было установлено, что на землях, предназначенных для летнепахотных земель, можно выращивать валлийскую кукурузу и при правильной прополке получать хорошие результаты. Таким образом, летний пал стал для Григорьевки настоящей золотой жилой: кукуруза была хорошим кормом для лошадей, свиней и кур, а солома - для скота. Поскольку урожай был очень богатым, он удовлетворял все местные потребности и даже позволял вести обширную рыночную торговлю. Пивоваренный завод в Антоновке давал дополнительную возможность для продажи кукурузы. Ячмень и овес выращивались в основном для местного использования в

качестве корма. Так называемые Barstanen (дынные поля) занимали уникальную нишу в наше сельское хозяйство. Дыни и арбузы были любимым десертом. На этих полях также выращивали тыквы, а также репу, предназначенную для откорма скота. Четырехпольная система севооборота была введена с самого начала, но первоначально орудия труда и сельскохозяйственные подходы были довольно примитивными. Со временем на рынке появились более современные связующие устройства. Самой распространенной была косилка McCormick, за ней следовали Massey Harris и Osborne. Незадолго до Первой мировой войны некоторые фермеры уже имели стационарный бензиновый двигатель для обмолота, но большинство все еще использовали те, что приводились в движение лошадьми. Примерно на рубеже веков мельничная лихорадка поразила меннонитские общины, и многие, в том числе и наша деревня, поддались ей. В 1904 году была построена мельница высотой в пять этажей, первый этаж наполовину погрузился в землю. К сожалению, было допущено столько ошибок: первая - что мельница вообще была построена; вторая - что она не была построена на железнодорожной станции; третья - что были проигнорированы советы опытных людей.

Годы с начала века до начала **Первой мировой войны** были золотыми годами деревни. Это было видно повсюду: по благоустроенным домам, амбарам и сараям, а также по хорошим, практичным сельскохозяйственным орудиям и красивым лошадям и скоту, заполнявшим сараи. На улице у большинства фермеров были хорошо построенные, покрашенные заборы, которые, вместе с дикими грушевыми деревьями, создавали прекрасный вид. Дорожки по обеим сторонам улицы были подняты и ухожены. Потом пришла война. В августе 1914 года по деревне, как лесной пожар, пронеслось травмирующее сообщение: "Германия объявила войну России!" Полицейский въехал на своей пенящейся лошади во двор старосты и со слезами

на глазах передал это сообщение. В целом наши люди были настроены патриотически по отношению к России. До этого момента к нам относились как к полноправным гражданам, нам доверяло правительство и нас уважали наши русские соседи. Конечно, никто не должен сомневаться в нашей преданности Отечеству. Вскоре многие молодые люди добровольно пошли служить в медицинский корпус. Местные российские власти смотрели на это благосклонно. Но все изменилось, и вскоре мы разочаровались в действиях нашего правительства. Была проведена мобилизация лошадей. Согласно русской традиции, царяла неразбериха. Лошади были разделены на три категории: кавалерийские, артиллерийские и железнодорожные; цены на лошадей были основаны на этих классификациях. Первоочередными были небольшие лошади наших русских соседей, удовлетворяющие потребности кавалерии. Наши крупные, красиво ухоженные лошади шли последними, их отнесли к третьему классу и оплачивали соответственно. Позже мы наблюдали, как кавалеристы обменяли своих неполноценных лошадей на наших более крупных. Значительное число наших молодых людей были вынуждены пойти на службу. Забирали женатых отцов в возрасте до сорока лет, пока, наконец, семьи полностью не лишились рабочей силы. Из одной семьи призывали двух, трех и до пяти сыновей, как это было в нашей семье. Некоторые из этих мобилизованных служили в лесничествах или лесными сторожами, другие - в медицинских поездах и госпиталях или в медицинских бригадах Красного Креста на фронте войны, чтобы "приводить в порядок" раненых на полях сражений. Довольно многие были назначены секретарями и бухгалтерами в госпиталях, главным образом в Земском объединении и в его поездах, а также в объединениях дворянства и городов. Все это были организации, предназначенные для транспортировки и ухода за ранеными и больными. Финансовая поддержка жен и детей, оставшихся в тылу, обычно возлагалась на их родителей; в конечном итоге это

стало для них тяжелым бременем. Русские жены и дети получали поддержку от правительства, но нашим меннонитским матерям в этом было отказано. Только к концу войны некоторые из них получили помощь. Хотя Григорьевка была единственной меннонитской деревней среди больших российских сел, большинство жителей нехотя признавали привилегированное положение меннонитов по отношению к их убеждениям и войне. Спокойное поведение и образ жизни жителей, относительно более щедрая оплата и обращение с прислугой, трудолюбие, бережливость, прогрессивность и не показные богослужения оставили след доброжелательности и уважения, который стал защитной стеной в это беспокойное и неспокойное время. Рабочей силой, облегчавшей нехватку трудоспособных мужчин в деревне, были беженцы — правильное сказать, немцы, которые были вывезены правительством из немецких деревень под Варшавой и Волынью. Поскольку фронты войны переместились на русскую землю, эти немцы были вынуждены покинуть свои деревни, и таким образом в некотором количестве прибыли в нашу деревню, где они, по мере необходимости, нанимались в качестве сельскохозяйственных рабочих. Война становилась все более разорительной для России. Военным приходилось снова и снова отступать, а население становилось недовольным, особенно под влиянием агитаторов, которые возлагали всю вину на царя. Наконец, некоторые высшие государственные чиновники организовали переворот и свергли его. Было избрано временное правительство, во главе армии были поставлены новые генералы, а на фронт были отправлены ораторы, чтобы вдохновить войска на борьбу за победу. Все это было напрасно; военный порядок еще больше распался, и многие солдаты покинули фронт и вернулись домой, многие с оружием. В это время Ленин вернулся в Россию и начал будоражить страна. В октябре 1917 года коммунисты силой захватили власть в Москве. То немногое, что еще оставалось от порядка, рассеялось, и военные массово покидали фронт. Весной 1918 года Ленин

заклучил сепаратный мир с Германией. Одна из частей соглашения гласила, что Германия и Австрия будут контролировать Украину в течение пятнадцати лет, чтобы установить порядок и тем самым заработать право на использование сельскохозяйственной продукции этого богатого региона. В результате немецкие военные вместе с украинскими военными вошли в Украину и очистили ее от банд мародеров. Незабываемым моментом для жителей было, когда они увидели, что в деревню галопом въезжает военное подразделение. Они были одеты в незнакомую форму, но вскоре их опознали как передовой отряд немецких военных. Офицер подразделения был не менее удивлен, когда на его вопросы отвечали на безупречном немецком языке. Он сообщил, что на повороте железнодорожного пути, примерно в полтора милях от них, немецкий воинский эшелон столкнулся лоб в лоб с украинским эшелонем. В результате аварии погибли 36 человек и 150 были ранены. Он попросил нас похоронить погибших. Вскоре движение на обычно тихой улице стало суматошным, поскольку остатки полка, попавшего в аварию, вошли в деревню. Но это была лишь короткая передышка, прежде чем подразделение двинулось в юго-восточном направлении в сторону Плещеево, чтобы вступить в бой с врагом. На следующую ночь исход боя был предрешен: прямое попадание немецкой пушки в командный пункт красных сломало их сопротивление, и они бежали. Как уже упоминалось, Германия заключила сепаратный мир с красным правительством. Согласно договору, они и украинцы с Петлюрой во главе должны были "очистить" Украину. Для этого в каждом городе и селе были размещены части объединенных немецко-украинских войск. Летом 1918 года в Григорьевке также находились военные, а именно железнодорожная часть 174-го полка. Солдаты с двумя лошадьми и повозкой были расквартированы почти в каждом крестьянском дворе. Это были порядочные люди, которые предъявляли мало требований. Мы должны были выдавать по 500 граммов хлеба на голову в день;

остальную провизию мы получали из их полевой кухни, которая была устроена на подворье **Петера Редеккопа**. Эта воинская часть давала нам защиту и покой в то беспокойное время. Естественно, они пытались убедить нас активно участвовать вместе с ними в их карательных вылазках в сельскую местность, проверяя нас морально. Когда мы отвечали отрицательно, следовали оскорбительные слова; приходилось терпеть даже ругательства в наш адрес со стороны немецких офицеров в присутствии их ополченцев и наших молодых людей. Когда началась революция и Германия заключила мир с западными союзниками, Брест-Литовский договор был аннулирован, и немцы были вынуждены покинуть Украину. Летом 1918 года, когда немецкие военные еще контролировали Украину, было созвано собрание всех немцев нашего региона: Католиков, лютеран, а также меннонитов попросили явиться в Барвенково в торговую школу, чтобы обсудить вопрос об организации отрядов самообороны, Selbstschutz. Несколько раз до этого немецкий лейтенант созывал наших молодых людей и призывал их создать такое защитное подразделение против банд мародеров. В один из таких случаев на дворе Николая Альбрехта, сельского старосты, лейтенант даже пригрозил телесными наказаниями тем, кто откажется вступить в отряд. Однако, увидев сплоченное сопротивление большинства мужчин, он отступился. На другом собрании в здании школы он повторил попытку, но безуспешно. Наконец один из старших мужчин, Якоб Браун, осмелился спросить его: "Господин, вас послали сюда, чтобы навести порядок в Украине или ввести обязательную военную службу?". На этом собрание закончилось, и все разошлись по домам. В Барвенково этот вопрос снова стоял на повестке дня. Поручик привел с собой яркого сторонника идеи ополчения. И снова Григорьевка выступила категорически против. В частности, от имени деревни выступил Якоб Берг. Нам не пришлось сожалеть о своем сопротивлении. Через некоторое время преподобный Берг возвращался домой, когда мимо него проходил русский из соседней деревни; он предложил ему

подвезти его, и тот с радостью согласился. В разговоре этот человек сказал: "Мы тоже были своими представителями на барвенковском собрании и оценили, что вы, меннониты, не хотели стрелять в нас, русских. Это нас радует, и мы тоже не будем стрелять в вас". Это обещание было выполнено позднее в декабре, когда немецкие военные были вынуждены эвакуироваться. Ни одна из банд мародеров, а их было много, не убила никого в нашей деревне. Даже Махно, который позже проехал со своей большой свитой - да, даже остановился, чтобы покормить своих лошадей в конце нашей деревни - никого не ранил. Когда мы уходили, немецкий лейтенант признался: "Вы, меннониты, поступили мудро, отказавшись от участия в ополчении; в одиночку вы не смогли бы противостоять русским". Следует отметить, что уже во время войны царские Правительство разрабатывало законы, которые должны были конфисковать все имущество и земли, принадлежащие немцам. Они должны были сослать немецкое население в Сибирь, сначала тех, кто находился в семидесятимильной пограничной зоне, а затем всех остальных. Этот закон не был принят, потому что царь был свергнут и сослан.

После войны изменился и наш образ жизни, и наш стиль жизни. Исключительно мирная и рациональная жизнь меннонитских фермеров была сильно нарушена и поставлена на другой путь. То, что раньше считалось само собой разумеющимся, теперь подвергалось сомнению и становилось неопределенным. Самые необходимые вещи либо были в дефиците, либо исчезли с рынков. Люди начали спекулировать и работать на черном рынке. Всегда находились предприниматели, которые знали, где найти товар, как купить его по дешевке, а затем продать по завышенной цене. Поскольку деньги с каждым днем теряли свою ценность, никто не хотел покупать за наличные; бартер стал нормой. Этот бартер сыграл важную роль, когда голод коснулся городов. Мужчины и женщины ежедневно приходили в деревню с

товарами, чтобы обменять их на провизию, особенно на масло и муку. Особенно не хватало ниток для шитья и шерсти для вязания. Но вскоре шелкопряды были повсюду в деревне; тутовые деревья в садах на заднем дворе давали необходимый корм. Вскоре пожилые женщины откуда-то достали прялки, и шерсть для зимних чулок была быстро найдена. Ткань для летней одежды тоже стала доступной, так как русские женщины делали из конопли неплохой лен. Пиджаки из этого материала предпочитали мужчины, даже для воскресного ношения. Кожа была в дефиците, поэтому новую обувь покупать было нельзя. В моду снова вошла деревянная обувь. Вскоре в продаже появились сандалии с деревянной подошвой - подошва была подбита кожей, а кожаные ремешки перекрещивались на стопе и вокруг пятки, чтобы сандалии держались на месте. В это время в деревне делали даже красивые белые женские туфли. В начале революции руководители красного правительства выкрикивали множество лозунгов, чтобы привлечь массы к своему делу: "Свобода и равенство", "Земля крестьянам" и так далее. Последний лозунг был особенно привлекателен, поскольку в России было так много граждан, жаждавших собственной земли. Ирония этого нового "порядка" вскоре стала очевидной: земля была отдана народу, в то время как правительственные чиновники забирали урожай себе. Часто крестьянам едва хватало, чтобы прокормить свои семьи, и редко хватало на весенний посев. Руководители обещали, что все это будет дано, когда придет время, и хлеб также будет доступен. Но как только зерно оказывалось в руках правительственных чиновников, обещания забывались, и крестьяне оставались наедине с собой. Если они не успевали провести весенний сев, их штрафовали. Урожай несправедливо подсчитывали заранее и требовали соответствующей сдачи зерна государству. Никаких отговорок не допускалось, даже если урожай был скудным. Иногда фермера заставляли зарабатывать деньги на покупку зерна, чтобы он мог сдать свою квоту государству. Необходимо было также найти замену сахару. Это

было не так сложно, потому что на протяжении многих лет наши люди рафинировали сироп из арбузов и сахарной свеклы. Кроме того, расширяющиеся пасеки приносили в дома постоянный запас меда. Неизвестный ранее сахарин также появился на рынках и стал пригодным заменителем сахара, хотя и не самым любимым. Особой проблемой было освещение долгими зимними вечерами, поскольку нефтепродукты были практически недоступны. Люди вернулись к старой технологии, а именно к масляной лампе. В блюдце наливали немного сала, подсолнечного или льняного масла. Если использовалось сало, его сначала нужно было разогреть, чтобы оно стало жидким. Затем в масло клали одну из нескольких полосок хорошей шерстяной пряжи в качестве фитиля и оставляли висеть над краем блюдца. При зажигании получался скромный, но сносный свет.

К 1921 году Советский порядок стал настолько анархическим, что нужно было найти какое-то решение, чтобы спасти правительство. До этого момента принцип был прост: "Разрушай существующее, строй новое". В первой части они преуспели: дома владельцев поместий были сожжены, зерно сброшено в реки, а другие ценности украдены или уничтожены. Полный неурожай в 1921 году в результате засухи привел к кризису. Новый урожай не был собран, а хранившееся зерно было уничтожено. Наступил голод, и многие, очень многие люди, даже среди меннонитов, умерли от голода. Но Бог был милостив к нашей деревне. На наших полях выросло достаточно зерна, чтобы никто не страдал от голода. Мы даже были в состоянии протянуть руку помощи некоторым другим. В это время красное правительство обнародовало свой экономический план: мелкие фабрики могли продолжать работать как прежде, а мелкие фермеры могли заниматься сельским хозяйством по своему усмотрению. Они должны были поставлять часть своей продукции государству, а остальное могли продавать на открытом рынке. Такой поворот в

экономической политике правительства стал благословением для страны. Рыночные силы улучшили экономическую ситуацию в кратчайшие сроки, даже не верилось, насколько быстро.

Поскольку эта **новая экономическая политика** (НЭП) казалась такой полезной для страны, многие люди думали, что правительство будет придерживаться ее и отложит свой прежний идеологический план: полная государственная собственность на землю, колхозы, объявление вне закона христианской религии, воспитание молодежи в соответствии с безбожной идеологией и так далее.